

Однако всё это касается в основном оценки значения мифа вообще, мифа как такового — в его специфическом нацистском виде. Содержания же его авторы касаются мельком, явно считая главным именно солярный культ. Между тем это не так, и сам Розенберг постоянно говорит именно о «Blutmythus» — «мифе крови». А ведь содержание предложенного мифа далеко не безразлично для того, как им собираются пользоваться.

### **1.3. Общий обзор «Мифа XX века»**

*Он был врагом, боролся, побеждён. Он сеял зло, он строил злую науку.  
Но из чего строил, что для этого находил и создавал? Надо разобраться.*

*Л. С. Клейн (2000: 89) о Г. Косинне*

«Миф XX века» в варианте 1934 года — это обширное сочинение, в котором скудость основных мыслей компенсируется упорными смысловыми повторами и натужной патетикой. Приведём его общую структуру:

Книга I: Борьба ценностей

- I. Раса и расовая душа
- II. Любовь и честь
- III. Мистика и действие

Книга II: Существо германского искусства

- I. Расовый идеал красоты
- II. Воля и инстинкт
- III. Стиль личности и деловитости
- IV. Эстетическая воля

Книга III: Грядущее Царство

- I. Миф и тип
- II. Государство и пользы
- III. Народ и государство
- IV. Нордически-немецкое право
- V. Немецкая народная церковь и школа
- VI. Новая мировая система (Staatensystem)
- VII. Единство сущности

При этом вся вторая книга посвящена в основном вопросам эстетики и понятию воли — по Шопенгауэру, но с авторскими поправками. Третья книга — конкретный проект той «державы», которая, по мнению автора, должна преодолеть ограниченность как монархий, так и республик и найти выход из кризиса XX века. На этом проекте мы подробно останавливаться не будем: что такое нацизм в действии, знает любой нормальный человек. А вот первая книга — исторический миф, обосновывающий этот проект, и вот им-то мы в основном и займёмся.

«Миф XX века» ни в какой мере не может претендовать на научную ценность. Ссылочный аппарат, без которого немислимо серьёзное исследование, в нём убогий, обращение с цитатами — вольное. Заметно, что автор вообще не знал, как делается корректная ссылка. Даже среди писателей-мистиков Розенберг в этом отношении далеко уступает, например, Е. П. Блаватской, умевшей хотя бы грамотно ссылаться на современные ей научные работы.

Язык, которым написана книга, ниже всякой критики. Он не мог бы сойти даже за местный (скажем, ревельский) диалект: это просто язык полужайки, «партий-

ного философа» из провинции, натужно пытавшегося освоить Hochdeutsch. В этом языке грамматика хромает на все четыре ноги, так что некоторые пассажи еле поддаются переводу <sup>16</sup>. Гёте не счёл бы такого автора достойным хотя бы своего «олимпийского» гнева.

Английский исследователь истории социальных мифов Норман Кон (1990: 167) считает, что «его толстенный “Миф двадцатого столетия” вряд ли кем-либо был прочитан (и, во всяком случае, не вождями нацизма», и виной тому — стиль этого «не поддающегося прочтению» труда (там же). С этой оценкой в своих мемуарах соглашается А. Шпеер: «Создание какой-то партрелигии означало бы просто впадение в средневековый мистицизм. Всё это мифотворчество вокруг СС и нечитабельный труд Розенберга “Миф двадцатого столетия” вполне это доказали» (глава «Оберзальцберг»).

Впрочем, возможно, это не безграмотность, а нечто большее. Выдающийся немецкий философ Эрнст Кассирер в своей Принстонской лекции 1944 г. говорил:

«Когда мне случается прочесть книгу, изданную в Германии в последнее десятилетие, причем даже не политического, а теоретического характера, исследующую философские, исторические или экономические проблемы, то я, к своему изумлению, обнаруживаю, что больше не понимаю немецкого языка. Изобретены новые слова и даже старые используются в непривычном смысле, ибо их значения претерпели глубокую трансформацию. Это изменение значения зависит от того, что те слова, которые прежде употреблялись в дескриптивном, логическом или семантическом смысле, используются теперь как магические слова, призванные вызывать вполне определенные действия и возбуждать вполне определенные эмоции. Наши обычные слова наделены значением; но эти, вновь созданные слова, наделены эмоциями и разрушительными страстями» (Кассирер 2000 {1944}: 581—582).

Зато очень много патетики и художественных «красот», в которых порой уже угадывается близость постмодерна <sup>17</sup>. Текст перегружен риторическими фигурами и устаревшими словами в высоком штиле. Так, вместо *der Kampf* ‘борьба’ автор постоянно пишет *das Ringen* — по-русски это скорее было бы ‘борение’, если даже не ‘ристание’. Если не серьёзные, то хотя бы внятно изложенные мысли перемежаются целыми страницами банальностей или парадами примеров. Если бы автор, как было принято в древней Греции, читал это произведение вслух перед публикой, — думается, по большей части он закатывал бы глаза во время чтения. По словам Н. Кона (1990: 168), «в иные минуты на самого Гитлера накатывали апокалипси-

---

<sup>16</sup> Автор выражает искреннюю благодарность Т. Д. Бигдан, взявшей на себя нелёгкий труд контроля за немецким переводом, причём с немецкого 1933—1945 гг. (то есть по определению искажённого) на литературный русский.

<sup>17</sup> Автор не пытается зачислить А. Розенберга в постмодернисты, тем более что постмодернизм впервые заявил о себе в среде левых интеллектуалов, разочарованных итогами событий 1968 года. Однако нельзя не признать, что постмодернизм, как и любое другое явление, возник не на пустом месте, что у него есть свои «три источника и три составные части», сложившиеся задолго до первых работ М. Фуко. О крайностях такого взгляда иронически говорит Умберто Эко в «Заметках на полях “Имени розы”»: «К сожалению, “постмодернизм” — термин, годный à tout faire <...>. Сперва он применялся только к писателям и художникам последнего двадцатилетия; потом мало-помалу распространился и на начало века; затем ещё дальше; остановок не предвидится, и скоро категория постмодернизма захватит Гомера».

ческие настроения, но для Розенберга это было естественное состояние». Одно это уже даёт почувствовать стиль его пророческих пророчаний.

#### 1.4. Основное понятие автора

Хотя Розенберг считался официальным философом расизма, хотя слово «раса» повторяется у него чуть ли не на каждой странице, нигде он не даёт этому слову никакого внятного определения. Впрочем, этого не смог сделать ни один расист ни до, ни после него. И понятно, почему. Ведь научные термины требуют предельной ясности, проверяемости, у них есть чёткие критерии, позволяющие каждый раз строго определить: «вот это — А, а вот это — уже не А». Именно поэтому для идеологии они не подходят. Идеологические понятия — преднамеренно зыбкие, чтобы ими было удобно маневрировать. «Раса» — буквально «ветвь» человечества, а в каком смысле ветвь — всяк волен толковать по-своему. Если бы мы попросили расиста дать чёткое научное определение расы, суть ответа в конечном счёте свелась бы к фразе щедринского графа Твэрдоонто: «ну как вы сами не понимаете?». Поэтому даже физическая антропология, в которой термин «раса» употреблялся даже в советской литературе, в последнее время стремится заменить его более определённым понятием «морфотип» (Казанков 2002: 174 и др.). Оно, по крайней мере, чётко указывает, что речь идёт лишь о морфологических (физических, телесных) признаках разных людей — и ни о чём больше.

На протяжении книги (особенно первой части) не раз перечисляются конкретные расы: арийская (нордическая), средиземноморская, альпийская, динарская<sup>18</sup>, восточно-балтийская. Эти типы выделил ещё Г. Ф. К. Гюнтер в книге «*Расология немецкого народа*» (2-е изд. — 1924 г.). Заметим, что «расовый Гюнтер», как его прозвали, был филологом и фольклористом, к расовым исследованиям он обратился лишь по просьбе мюнхенского издателя Ю. Лемана — после того, как серьёзный антрополог Р. Мартин (основатель антропометрии) отказался участвовать в издательских планах такого рода (Колчинский 2007: 363). При этом именно Гюнтер, заимствовав у Ж. Деникера физическое описание нордической расы, дополнил его психологической характеристикой:

«Представители нордической расы были мужественными, совестливыми, преданными долгу, правдивыми, законопослушными, сдержанными, умеренными, осторожными, предусмотрительными, сердечными, неэмоциональными, бесстрастными, склонными к самоубийству, недоверчивыми, чистоплотными<sup>19</sup>, энергичными, трудолюбивыми, деловитыми, великодушными, самоотверженными, настойчивыми, суровыми, жестокими, миролюбивыми и т. д. Как видно из этого неполного перечня, не всегда его характеристики согласуются друг с другом, но лживость, бессовестность, преступность, интриганство, плутовство, краснбайство, скрытность, трусость, лень, озлобленность, жадность, грубость, гипертрофированная сексуальность, экзальтированность, нерешительность, бездушные, эгоизм, мелочность, созерцательность и другие отрицательные для него качества в разной пропорции были распределены между остальными расами» (Колчинский 2007: 364).

<sup>18</sup> Динар — нагорье в Боснии и Хорватии.

<sup>19</sup> Как мы дальше убедимся, в основе этого описания лежит нравственный кодекс аристократии. Исследовавшая его М. Оссовская (1987: 111 и др.) показала, что как раз чистоплотность была чужда «благородному сословию». Известно, например, что даже регулярное мытьё рук распространилось среди рыцарей лишь в эпоху крестовых походов, в подражание арабам.